
Александр НЕКЛЕССА

МИР ИНДИГО
Социокультурная
и политическая мобильность
в условиях цивилизационного
транзита

Социальный космос переживает сегодня собственный Большой взрыв. Глобальная модернизация ускорила многие процессы, привела к интернационализации пространств и упрощению коммуникаций, экспансии образования и высокой общественной мобильности. Она обеспечила умножение энергичных, высокообразованных личностей, способных к интенсивному, результативному взаимодействию в многомерной, подвижной галактике, пребывающей в состоянии цивилизационного транзита. Неподдельный интерес у исследователей и политиков вызывают мутации привычных форм человеческого общежития на землях социокультурного трансграничья, рецептуры мотивационных и ценностных трансформаций, траектории подвижного суверенитета, преобразование национальной государственности в глокальную либо корпоративную ипостась. На мировой арене появляются новые влиятельные субъекты социального действия, использующие возможности, ресурсы, а подчас и обличья традиционных игроков.

ПРАВИЛА И ИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Нам предстоит размышлять о тревоге настоящего времени.
Мы должны постичь эту эпоху хотя бы для того,
чтобы говорить на соответствующем ей языке.
При этом следует все же ориентироваться
не столько на яркие проявления времени,
сколько на внутреннюю диалектику нашей тревоги...

Поль Рикер

Это разговор о пришествии в мир иного. О всполохах зари и о мутациях. О поступках и следствиях поступков. О ведущихся или только проектируемых битвах за будущее. О горизонтах и ландшафте пост-современной галактики.

И о людях, с чьей точки зрения нынешний культурный этикет – «сумбур вместо музыки».

Амбициозные авантюры, священные союзы, драмы расколотых миров по материалам следствия чаще оказываются вариациями инициативных концертмейстеров, импровизациями эффективных джокер-дирижеров, а не производными от строчек железнодорожного табло как эдикта взаимных перемещений.

Творчество людей – пульс и ртуть настоящего; прошлое – каталог проб и ошибок; грядущее – чертеж, меняющийся в процессе работы. Перемены отражаются в синкопах практики, их телесность предопределена атональностью *со-временности* – этой кухни моды, воплощающей капризность набирающей темп яви.

Мода на поверхности регистрирует трансформации штиля, но подспудно – в водоворотах – ее соборный энтузиазм разрушает кордоны, предъявляя при случае биометрический паспорт того или иного шаткого института для востребованной миром оболочки.

* * *

Имеет ли *Homo sapiens* мужество жить и действовать в суетном одиночестве, утратив равновесие на внезапно накренившейся сцене?

Стандарт государственности предписывает и прописывает совмещение народа, территории, права (*uti possidetis juris*, «взаимное

признание прав на занятые территории», *лат.*), закрепляя коллективное единоверие в соответствии со сложившейся стилистикой власти (*cujus regio, ejus religio*, «чья область, того и вера», *лат.*).

История, однако же, не есть исключительно искусство чтения прошлого. Ее живое тело – обновление привычных обстоятельств, трансценденция, творимая ежеутренне/ежевечерне и проявляющаяся каждодневно.

Иными словами, продвижение в будущее ради созидания настоящего – одновременно суть истории и ее добродетель.

Политические конструкции, равно как общепризнанные их композиции, рождаются, развиваются, стареют, а вес, набранный в конкурентной борьбе, формулы, доказавшие жизнеспособность, кодифицируются в соответствии с обретенным влиянием либо набело переписанными черновиками практики.

Трансграничное сообщество социального действия (*intra-global society*) склонно конституировать в качестве полевых игроков организмы различной этиологии, устанавливая статус сообразно с градусом успеха, отгеснив на обочину истории унифицированный порядок связей (*inter-national relations*) и казавшиеся столь устойчивыми правилами игры.

* * *

Характерная для анналов и хроник территориальная экспансия, ползучая пространственная локализация субъектов сильного действия сменяются дисперсией инициативных частиц, танцующих в стиле торнадо.

Источник излучаемых энергий скрыт в материальных и нематериальных кладовых, подчиняющихся магическому «сим-сим», утверждая проницаемость политических и виртуальных границ.

Воздушная геократия – ради занятия доминантных позиций в картографии ресурсных потоков и топологии мирового дохода – использует многомерные дорожные карты реальности. Это карты геоэкономические, геокультурные, геополитические, военно-стратегические, энергетические, финансовые. А также более экзотичные планшеты: проектная документация будущего с ветвящимися его версиями, векторами движения, легендами ресурсов/обременений. И реестры мировоззренческих устремлений, кодексы смыслов, алгорит-

мы утопий, коллекции оргструктур, списки агентов влияния, схемы связей, сетевая корректура взаимодействий, кляссеры кадровых комбинаций...

В результате опознается и приводится в движение амбициозная номенклатура перемен, ведется поиск инновационной тинктуры социального акта.

Magisterium, обретаемый в конце пути, сродни сиянию, полыхнувшему на краю high frontier, – это горизонт Великого океана, освобожденный от предметных и многих иных ограничений.

Фетишизация же регламента, фиксация фигуры правителя, почитание порядка вещей вечным обмороком души и мира отчуждают личность от подвига преодоления себя и паутины внешних нестроений, делегируя личную ответственность кому-то, куда-то или же прямо в никуда.

В критические времена все это делает общество пассивным и уязвимым. А отсутствие колодцев культуры – метафизической либо интеллектуальной глубины, чувства солидарности, сострадания – варварским и лживым.

В результате подобное сообщество оказывается исторгнутым из истории и цивилизации.

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

Экономика – это средство.
Целью же является изменение души.

Маргарет Тэтчер

В начале XX века индустриальная экономика переживала взлет. Однако обилие «дешевых вещей», не уравновешенное платежеспособным спросом, привело к кризису перепроизводства, избытку рабочей силы, затем – растущему напряжению в обществе.

Социальная ткань начала расползаться, стало очевидным, что состояние дел, экономическая и политическая механика нуждаются в модификации, причем в глобальном масштабе. Прежнее разделение планеты колониальными империями (*зональная глобализация*) долж-

но было уступить место иному миропорядку, другому поколению игроков и технологий управления.

В течение столетия возникают различные версии организации нового порядка: коммунистическая, этатистско-корпоративистская, социал-демократическая, неоколониальная, тьермондистская («третьемирская») модели, наконец, неолиберальный эксперимент и деятельное разнообразие неокорпоративных конфигураций и практик.

* * *

Влиятельные позиции занимает класс «элитариев» – преимущественно властных управленцев (*новый класс*), складывается слой платежеспособных пожирателей широкого спектра новых и непростых изделий и услуг (*средний класс*), утверждается калейдоскопичная, гедонистически ориентированная среда (*общество массового потребления*), обновляются пути накопления, удержания, повышения производительности капитала (*глобальный рынок товаров, услуг, финансов*).

А доминантные ранее формы общественного сознания (например, протестантская этика), сдерживавшие инстинкты избыточного спроса, уступают место мировоззрению, ставящему во главу угла комфорт, роскошь и безопасность.

Параллельно разрастается индустрия деструкции материальных и иных ценностей: от изощренных, агрессивных концепций моды до высокотехнологичных войн и акционирования смерти.

* * *

Ограничения, налагаемые природой на использование ресурсов, со временем начинают вызывать серьезную обеспокоенность. Но опасения эти были в значительной мере снижены, если не преодолены, за счет становления постиндустриальной экономики.

Сервисная экономика высокопрофессиональных услуг, цифровая экономика (*digital economy*) и экономика знаний (*knowledge-based economy*), новые формы капитала (*invisible assets*) и соотносимые с ними предметные поля расширили горизонт действия, деформированный проблемой *пределов роста* природозатратной экономики.

Инновационная экономика ослабляет значение подобных ограничений. А экономика информационная и финансовая («канторовская») их практически не имеет.

По мере экспансии высокотехнологичного и трансфинитного строя акценты смещаются: идет оптимизация промышленных механизмов/процессов, ряд отраслей обретает виртуальный характер. Вместе с тем ареал индустриализма продолжает расширяться, количество вещей, выбрасываемых на рынок и свалку, – увеличиваться, а число людей на планете – по-прежнему расти.

Однако присущий человеку творческий дар – в отличие от сырьевых и биосферных ресурсов – неограничен и неисчерпаем.

СЕЗОННАЯ МОДАЛЬНОСТЬ

Самой крупной рыбой становится та,
что не клюет на приманку.

Фраза из кинофильма Big Fish

Мода – это культ. Но также холодная, расчетливая технология, опирающаяся на маркетинг и рекламу, имея целью повысить востребованность продуктов индустриальной цивилизации.

Она смещает заветы прежней этики в экзотичные области искусственного и престижного потребления, перемалывая груды бисера и тряпья, химии и металла.

Однако в следующем регистре практики – постиндустриальном – мы опять замечаем румянец потребительского азарта и волю к улучшению платежеспособного спроса, проявляющие могущество в мирах нематериальных, казалось бы, лишенных каркаса вещественных оболочек.

* * *

Пристальнее взглядевшись, видишь: мода – это дух, свергающий одних идолов ради возвеличивания других; отвергающий каноны и обычаи ради обновления скреп бытия.

Сохраняя при этом обряд поклонения причудливым формам земного карнавала.

Порою кажется, модники и модницы – жрецы и жрицы, провозвестники и провозвестницы особого, эфемерного таинства жизни.

Поклонники богини, разрушающей и воссоздающей мир, предпочитают телесность королевской наготы, изморозь и дрожь повседневности, пасьянсы и патину экзотичных узоров обретению земель, лежащих по ту сторону горизонта.

Будучи не в силах вынести бремя пути и самостояния в одинокой, окаянной уникальности.

НА ПОРОГЕ НОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Дело не в предсказании, а скорее, в управлении.

Джон фон Нейман

Глобализация – общепризнанная этикетка радикальных трансформаций, творящихся сегодня в человеческом сообществе. На наших глазах обновляется мироустройство, меняется логика связей, преобразуются институты.

Мы видим, что разговоры, которые велись на закате прошлого тысячелетия об информационном и постиндустриальном обществе, о конце истории и конфликте цивилизаций, были, в сущности, лишь прологом исторической трансмиссии. Причем масштаб как настоящих, так и грядущих изменений представляется заметно иным, нежели виделось лет двадцать или тридцать назад.

Проявилась также потребность в новой методологии познания и действия в столь интенсивно меняющейся среде.

Перемены вызывают у людей различные чувства. Китайская максима считает подобное состояние дел проклятием: «Жить тебе в эпоху перемен». У российской ментальности, кажется, иное отношение к социальному транзиту, выраженное поэтом в тезе: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

* * *

Ярлык – равно как и язык глобализации – применяется для обозначения суммы новаций, нередко несовпадающих, а бывает, прямо противоположных по характеру, целеполаганию. И не сводимых к тенденциям объединения/унификации человеческого сообщества.

Прочтение глобализации сегодня не ограничивается обсуждением перспектив экономической либо политической интеграции. Или, скажем, симбиотических конструкций, выстраиваемых на основе универсального финансового рынка, систем информации, международных структур управления.

Наряду с глобализацией (так сказать, глобализацией *per se*) не меньший интерес вызывают связанные с ней процессы глокализации и индивидуации. Основанием в числе иных причин служат достигнутые под зонтиком *Pax Universum* повышение статуса корпорации и личности, их суверенизация, обретаемая мускулатура. Процесс, базирующийся на признании и юридической фиксации принципов свободы торговли, универсальности прав человека, транспарентности границ и ослаблении этатистской логики в новой просторности мира.

Играют роль последствия применения высоких технологий, использования новейших технических средств, доступа к мировым информационным потокам, возможности быстрой, множественной проекции влияния и силы, новых методов управления практикой и процессами государственного строительства.

Социальный космос заметно усложнился за последние годы и десятилетия. Число обитателей планеты не просто росло, причем значительно, менялись не только количественные параметры населения ойкумены, но и число производных: свободных ассоциаций, сетевых ансамблей, других неосоциальных организмов.

Попросту говоря, людей становится все больше, между ними возникает огромное число самых разнообразных связей, а количество организаций растет.

* * *

Глобальная модернизация имела результатом транснационализацию пространств и умножение коммуникаций. А одним из теневых следствий процесса стал глобальный «экспорт эксплуатации» в виде дешевой и сверхдешевой продукции стран третьего мира, нарушающий социальный баланс в индустриально развитых странах. (Движение антиглобализма, между прочим, зародилось в 1999 году в Сиэтле в ходе демонстраций, поддержанных, если не прямо организованных, американскими профсоюзами.)

Серьезная проблема – растущая мультикультурность и поликонфессиональность общества, разрушение привычной среды обитания, неизбежность тесного сосуществования и конкуренции различных культурных, религиозных кодов, а также опасность неоархаизации. (Весьма простой, но яркий пример социокультурных различий – многоженство: как известно, в одних культурах оно совершенно неприемлемо, в других – является нормой.)

К чему все это ведет?

В наступившем веке нас ожидают неопределенность, умножение новизны, жизнь на перекрестье параллельных миров.

Раньше образованный человек мог претендовать на полноценное знание о мире, сегодня затруднительно объять не только общее информационное поле, но учесть полноту релевантных профессиональных сведений, обозреть многообразие данных об актуальных процессах и практиках на планете.

В человеческом космосе выстраиваются соприкасающиеся, однако не проникающие друг в друга социальные миры, информационные коридоры. Складывается альфа-образец лабиринтообразного общества, состоящего из разрозненных сегментов былой целостности, коммунальных осколков, дискретных образов, смешения стилей жизни.

И конечно, все эти процессы вызывают эмоции. Что-то встречается с энтузиазмом, что-то глубоко травмирует, но в любом случае можно предсказать: людям предстоит пережить серьезный культурный шок.

НОВАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Хаос обитает на границе умопостигаемой реальности.
Совершая набеги, он завоевывает земли,
где ему поклоняются и служат.

Фаранг

Революции вызывают к жизни состояния, близкие к хаосу. Обитатели Земли – переменные, способные к спонтанной активности и одновременно к глубокому, долгосрочному замыслу.

Понимание комплексного характера реальности, ее трансгрессий и прогрессий оказывается непростым делом даже для просвещенной части общества.

Композиция жизни, балансирующей на грани хаоса, – трансграничной, неопределенной – с трудом удерживается сознанием, едва поддается прочтению, порою не поддается вообще. В особенности если исследователь ориентирован на прежний круг аксиом.

Хаос обитает там, где проходят рубежи интеллектуальных и душевных возможностей. И оттуда же в периоды революционных перемен на поверхность выходят неожиданные существа.

Гибкие и полифоничные структуры уверенно чувствуют себя в диффузной среде, абсорбируя новизну, а при благоприятном стечении обстоятельств используют ее как ресурс.

Иначе говоря, если ригидная социосистема не выдерживает проявлений творческой деструкции, сложная – не выносит интеллектуальной автаркии, апатии и моральной депривации, упрощения обстоятельств и прочей скудости.

Попытки же фиксировать происходящее в летописном стиле – как очередную, но подобную ранее пережитым напасть, – случается, наталкиваются на всплывающую поверх барьеров грозную неурядицу. На тот или иной алогичный образ, подобный тревожно-пророческим Twin Peaks.

Когда язык перестает адекватно отображать реальность, это значит, что мир вновь, как и во времена седой архаики, обретает черты анонимности. Ибо если на один вопрос находится десяток ответов, нередко это означает, что ответа нет вообще.

* * *

В XX веке человек обнаружил: его ментальность не вполне соответствует окружающей реальности.

Наука предъявила тому доказательства, приоткрыв парадоксальный и невозможный для Аристотелевой логики мир, возродив потребность в мышлении, способном удерживать антиномии из различных областей практики и сложные, подчас слишком сложные для сознания современного человека конструкции.

Новый методологический комплекс должен в значительно большей степени учитывать антропологический фактор, роль некласси-

ческого оператора, генетику процессов, их связь с общими параметрами бытия.

Возникла потребность в синергичном стиле мышления, развитого, к примеру, в русле апофатического богословия и практике исихазма.

Подобное мышление оказывается оптимально приспособленным для исследования таких явлений, как хаососложность, самоорганизующаяся критичность, поведение в ситуациях неопределенности.

Но кризис рационализма, даже если это кризис одной из его исторических форм, не проходит бесследно...

* * *

Теодор Адорно приблизительно в середине прошлого века писал о кризисе сложившихся форм интеллектуальной деятельности.

В знаменитой «Негативной диалектике» наряду с акцентом на революционную, творческую роль антитезиса философ подчеркивал нарастающее превосходство конкретного над общим. Иначе говоря, любые модели реальности принципиально дефектны и потому со временем становятся не просто недействительными, но блокирующими развитие.

Дальнейшие шаги по данному пути совершала когорта французских философов-деконструктивистов, а затем эстафету приняли исследователи проблем хаососложности.

Мир перестает соответствовать культурным и социальным прописям, причем с какого-то момента – значительно. Приходится либо его мистифицировать, либо искать утешение во все менее адекватных повседневности стереотипах.

Не случайно драматичные события последнего времени демонстрируют качества анонимности, абсурда, враждебности, а заодно... театральности.

Ментальность человека Модернити, сущностные элементы которой были заложены воспринятым Европой в начале второго тысячелетия аристотелизмом (точнее, аверроизмом) и закреплены впоследствии эпохой Просвещения, сегодня явно или неявно уводит человека от великой сложности бытия.

Прояснив, просветив сознание и сокрушив в свое время многие языческие кумирни, действенная и прагматичная линейная логика ныне воздвигает преграду для восприятия критической сложности мира.

А канонизированная веками модель мироустройства оказывается чуть ли не погремушкой истинного положения вещей.

* * *

Концепция self-organized criticality (SOC) – самоорганизующейся критичности, – созданная к концу столетия в ходе исследования сложных и сверхсложных систем, явилась попыткой формализации и технологизации новой рациональности, негативной диалектики и кодов хаососложности.

В зыбкие границы «науки о хаосе», возникшей в 60-е годы прошлого столетия, входит обширный спектр направлений, развивавшихся первоначально в дисциплинарных рамках наук о природе.

Однако примерно с 80-х годов, если не раньше, обретенные знания стали примеривать к военной сфере, к бизнесу, политике: теория катастроф, неравновесная самоорганизация, синергетика и др.

Рамки данного подхода толкуются в настоящий момент максимально расширительно, а ряд категорий и лексем зачастую употребляется метафорически, скорее ориентируя, нежели определяя.

Специфика же самого подхода выразилась в нескольких позициях.

Во-первых, основным объектом оказывается не статика, образно говоря, не «частица», не объект, а элемент движения – «волна», тренд.

Причем движение, или, точнее, процесс, рассматривается как интегральная часть открытой динамической системы, способной абсорбировать и рассеивать энергию, поступающую извне, генерируя при этом как хаос, так и новые формы организации.

Определяется ситуация через посредство таких понятий, как, скажем, периодичность или непериодичность, кооперативные явления и возникающие при этом синергетические эффекты, автокаталитические процессы и спонтанные ремиссии, сечение фазового пространства и фрактал, бифуркация и аттрактор.

Во-вторых, сложные системы естественным образом эволюционируют до критической стадии, в которой даже незначительное событие (воздействие) в принципе способно вызвать цепную реакцию, затрагивающую многие элементы системы.

В-третьих, все более явный акцент делается на исследование нефизических явлений и структур.

* * *

Усложняющаяся, самоорганизующаяся (адаптивная) система обладает некоторым потенциалом динамического хаоса и может существовать в двух состояниях.

В одном случае даже небольшое воздействие на систему способно привести к ее обвалу. Простой пример – куча песка, которая рассыпается после того, как принимает очередную горсть праха.

В другом случае воздействие может привести к установлению нового порядка, к реструктуризации системы. При этом как обвал, так и реконструкция происходят на удивление быстро.

Эти два состояния нельзя назвать ни хорошими, ни плохими. Все зависит от ситуации – когда-то системе лучше пребывать в рассыпающемся состоянии, при других обстоятельствах – в структурированном.

Технологии, нацеленные на управление хаосом, претендуют на сознательное достижение подобных эффектов, на форсирование и использование критических ситуаций, а в перспективе – на продуцирование из турбулентностей нового порядка.

* * *

Искусство динамичного внешнего управления в наиболее элементарном виде заключается в следующем.

Сначала необходимо подвести систему к неравновесному состоянию.

Затем в нужное время и в соответствующем месте активировать факторы, приводящие старый порядок к обвалу (хаотизация организации).

Наконец, ввести аттрактор, структурирующий систему в новом, желательном направлении.

И хотя сама методология – это, скорее, исследовательская позиция, стимулирующая поиск новых, гораздо более изощренных средств контроля и управления в меняющихся обстоятельствах, отдельные прописи технологизированы и проработаны буквально в деталях.

Проблема, однако, заключается в малой предсказуемости последствий дестабилизации системы, реальных следствий обвальной хаотизации. Правда, социосистемы в данном отношении выгодно отличаются от систем физических – в отличие от мира природы здесь

присутствуют какие-то дополнительные механизмы амортизации (benevolent factors).

Вот, например, один из практикуемых алгоритмов, используемый в условиях неопределенности, в динамичной и дискретной среде.

В ходе реализации данной прописи создается и позиционируется «подсадная утка» – аттрактор, стягивающий рассеянные элементы неопределенной системы, что позволяет их выявлять, наблюдать и контролировать.

Проблема, однако, в том, что аттрактор должен перманентно инициировать и стимулировать динамику дисперсных частиц в заданном направлении, действуя по крайней мере эффективно, если не эффективно, поскольку, чтобы сохранять качества аттрактора, он должен являться авторитетом, лидером. Причем его значимость (эффектность/эффективность) измеряется по параметрам, присущим данной системе.

Но что происходит при попытке устойчивого контроля над деструктивной средой при помощи данного метода? Для внешнего наблюдателя совокупность действий могла бы показаться весьма гротескной – своего рода реминисценцией на тему азефщины.

И порой – с соответствующими последствиями.

КАК ПРОЕКТИРУЮТ МИР?

И верные, и ошибочные идеи экономистов и политических философов
гораздо могущественнее, нежели принято думать.
На деле мир подчиняется почти исключительно им.

Джон Мейнард Кейнс

Магистры политологической кухни знают: у произведенной в тиши кабинетов сценарной полиграфии несколько разноцветных слоев.

Первый – прописанные в рецептурных справочниках эпохи формулы и граффити, принадлежащие, скорее, прошлому, выцветающие под лучами постсовременности.

Второй слой грамотно испеченного политологического пирога – палимпсеста: кладезь черновиков и корреспонденций живой экзистенции.

Это неплохой информаторий для размышлений о событиях, порою – хранилище секретных материалов для оперативно-тактических комбинаций, обеспечивающих подчас успех и стратегическим замыслам.

Однако для осмысления возникающей грамматики эти руны, лексемы, маргиналии чересчур импрессионистичны и эклектичны. Что, в свою очередь, заставляет возвращаться к написанной партитуре, внося в нее лишь частные оговорки.

Тем не менее при попытках политического топографирования *on line* это все, что имеется в наличии: эскизная мозаика порталов новизны, отрывочные сведения о плацдармах властной комбинаторики, зафиксированные урывками на контурных картах аутопоэтического ландшафта.

И еще лоскутное одеяло разрозненных криптограмм и донесений о траекториях неопознанных социальных объектов, время от времени бороздящих пространства антропологической вселенной.

* * *

Так вычерчивается атлас социокосмоса по эту сторону исторической границы астрономами-самоучками или самозваными землемерами.

Есть, однако, в цеховом сундучке третье дно, скрывающее особую нишу, где хранятся поваренные книги реальности, которая... не существует.

Не существует, однако имеет хорошие шансы утвердиться в глобальной борьбе за взлом линии горизонта.

Умелая адаптация национального проекта именно к третьей реальности порою предопределяет его стратегическую успешность. Либо в случае неудачи – провал, влекущий уход из истории.

В результате совмещения набросков и нахождения скрытых диспозиций человеческой драмы распознаются пунктирные тропы в будущее.

* * *

Ключевой элемент успеха – отыскание нерва эпохи, того, что именуется *Zeitgeist*.

Не рабы, не варвары унаследовали Римскую империю, а сетевая ассоциация людей, создавшая в черновиках цивилизацию, ставшую

со временем глобальной. Так что увертюра проектирования – концептуальная разведка: опознание симпатий Клио (промысла) и перспективной исторической семантики.

Другое условие – определение главного субъекта стратегии и описание его «крутого маршрута».

Следующие позиции успеха – карта развития и грамотно развернутая текстура генерального сражения. Речь также идет о моделях грядущего общежития, о бастионах и фортификациях: идеальных и национальных, о трансграничных и метафизических претензиях.

Активное представление будущего совершается в динамичной среде, его задача – контроль над развитием сюжета, управление доступными ресурсами и скрытым до поры потенциалом.

Но Бог ломает историю ради человека.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРАНЗИТ

Времена, в которые мы живем, полны угроз и опасностей.
Но мы настолько занялись собственными делами,
что в конце концов утратили представление
о сложности окружающего мира...

Аурелио Печчеи

Человечество пребывает в состоянии перехода, энергичного исторического пересменка, хотя и не на основной сцене постмодернистского театра действий, но уже и не в колонном зале Модернити.

Кризис смыслов, расхождения в ценностях и мотивациях деформируют привычные представления, а синкретичные прописи оборачиваются сбоями практики. Попытки же долгосрочного прогнозирования нередко оказываются избыточно конъюнктурными.

Мы видим, что времена безграничной футурологической экспансии, безудержной эйфории, увлечения описанием технических и технологических перспектив цивилизации – что было столь характерно для 60–70-х годов прошлого столетия – канули в Лету.

Горизонт рационального планирования, судя по официальным документам (к примеру, стратегическим картам Пентагона, оценке развития событий Национальным советом по разведке США или, ска-

жем, обнародованным планам роста экономики КНР), как правило, не выходит сегодня за рамки 2020 года.

Однако наряду с привычными методами прогнозирования интерес вызывают такие новации, как концептуальная разведка будущего или, скажем, вычерчивание древа ситуаций и стоянок, произрастающего из представления об истории как о целостной структуре, обладающей имманентной логикой развития.

* * *

Познание закономерностей исторической физики вряд ли возможно без существенных потерь отделить от рассмотрения мировоззренческих коллизий, от исторической метафизики.

Организация и дивергенция социального космоса проявляются в виде суммарного результата акций человечества, пытающегося с максимальной полнотой выразить свои сущность и потенциал через последовательную реализацию степеней свободы. То есть шаг за шагом воплощая – с теми или иными потерями (икономией) – некий идеальный образ истории, реализуя, таким образом, социогенетику телеологичного замысла (промысел).

Из данного предположения вытекает ряд прикладных следствий.

В частности, то, что построение внеинерционных, нелинейных форм прогноза – то есть наиболее эффективных моделей, способных охватить своим горизонтом качественные переходы, ведущие к утверждению иного рисунка социальных связей, – возможно лишь при продвижении от общего к частному, а не наоборот.

Подобный тип дедуктивного прогнозирования – структурное моделирование – возникает не из суммы накопленного человечеством опыта, но в результате постепенного распознавания целостного генома (инварианта) истории, ее генеральной структуры и целеполагания.

* * *

Новые оргсхемы и технологии меняют привычный облик власти.

Смена кодов управления – одно из важных следствий осознания характера перемен.

Проявляются симптомы умаления роли публичной политики и формальных институтов власти в композиции постсовременного мира. Происходит их отчуждение от ключевых тем времени, пол-

зучая маргинализация и подмена альтернативной системой социальной регуляции – властью неформальной, транснациональной, геоэкономической.

В среде нового мира, насыщенной коммуникациями и многослойной инфраструктурой, совершается между тем экспансия разного рода сетевых структур: пестрого конгломерата социальных, политических, экономических, культурных организованностей. В их числе клубы различного уровня влияния и компетенции, религиозные и квазирелигиозные организации, глобалистские и антиглобалистские образования, наконец, мозаика асоциальных, террористических организаций, пестрый и эклектичный мировой андеграунд.

Новая культура, подобно вирусам, может сопридти в во плоти прежних организмов, в недрах которых прочерчиваются границы новоявленного «столкновения цивилизаций» – конфликта между *централизованной иерархией* и *гибкой сетевой культурой*, между администратором и творцом, между центрированными и центробежными тенденциями.

Сетевая организация лучше приспособлена к динамичному миру, предельному, подчас почти турбулентному состоянию среды, где вместо институциональной функции она реализует дискретные проекты. Причем многообразие рабочих векторов взнуздывается кластерным характером матричного управления.

Сетевая культура, собственно говоря, и расцветает с особой интенсивностью именно на разломах, лимитрофах, в моменты кризисов или взлетов. В этих условиях дискретная проектная логика способна минимизировать влияние инерционных действий и связанных с ними ошибок.

* * *

Что такое проект?

Господин Журден не знал, что говорит прозой. Мало кто из людей осознает, что погружен в пространство перманентного проектирования: выстраивания картин будущего (пусть чрезвычайно краткосрочных), а также способов их реализации и цепочек необходимых для этого действий.

Люди, обладающие определенным горизонтом планирования и способностью соединять рефлексию с практикой, как правило,

становятся предпринимателями, политиками, игроками, авантюристами. Неспособные к подобному синтезу, но наделенные видением иного положения вещей – философами или писателями (особенно фантастами).

Венчурный проект выстраивается на границе познанной, дозволенной территории и некой запредельной ситуации, которая не существует как реальность, но с высокой долей вероятности может быть реализована в будущем.

Этот процесс, льющий воду на вполне определенную мельницу, носит название *преадаптации*, его изюминка – в различении и активном представлении как сущего, так и должного, актуального и возможного.

Другими словами, крот истории вряд ли так уж слеп. Во всяком случае, он прозорлив.

WE BUILD THE FUTURE

Наше отечество – всемирная революция.

Михаил Бакунин

Жизнь общественного духа некогда проявлялась в религиозных формах, затем представала в идеологических одеждах. Ныне социальная практика смещается во все более интригующую область, скромно определяемую до поры как политтехнологическая, но грезящую неизмеримо более честолюбивыми замыслами, нежели знакомая, российская ее ипостась.

Роберт Музиль однажды обмолвился, что «ощущение возможной реальности следует расценивать выше ощущения реальных возможностей». В этом замечании практицизм обыденности может показаться вывернутым наизнанку, однако подобное восприятие реальности вполне соответствует прагматичным взглядам из подвижных сфер постсовременности на переживающий системную коррозию мир.

Критическому переосмыслению подвергаются в числе других аксиом представления о строе вещей, о координатах жизни и параметрах деятельности человека, об угрозах миру и безопасности. Короче

говоря, те основы миропорядка, то мировидение, которые практически монополично владели людьми на протяжении долгого времени.

Действительно, теперь мы чаще подмечаем недолговечность привычных практик и условность структур повседневности, выше оцениваем возможности грядущего строя инициировать экстрасистолы перемен, вовлекая в ускоряющуюся земную круговерть все более причудливые пульсации.

* * *

Способность невоплощенных, забытых на полях безвременья либо отодвинутых в сторону (в будущее) идеалов влиять на настоящее, порождая разнообразные артефакты и аберрации, котируется сегодня на вселенской ярмарке ничуть не хуже, нежели активы темных искусств прошлого.

Между тем переоценка футурологических голубых фишек существенно влияет на капитализацию амбициозных игроков, делающих ставку на перемены. Мы вступаем в динамичный и нестабильный мир, где множатся проблемы и субъекты действия.

Выстраивание сетевой архитектуры и применение новой методологии позволяют адаптироваться к стремительно меняющейся среде. Именно поэтому к данному ресурсу активно прибегают корпорации, приспособившись к подвижной геометрии экономики и нестандартным формам конкуренции.

Корпорации, однако, – образования куда менее инертные, нежели бюджетные структуры, к которым относятся и вооруженные силы, и спецслужбы, и общественные системы безопасности в целом. Но последним приходится перенимать изменившиеся правила игры в попытках совместить новую практику с регламентом административно-бюрократической иерархии.

* * *

В динамичном и радикально меняющемся мире горизонт прогноза сжимается, а экстраполяция прежней ситуации и оправдавших себя в прошлом методов действия – совсем не та политика, которая может претендовать на эффективность.

Социальный космос не только изменчив сам по себе – трансформируясь в новые образы и производя свежие стили, – но, что серьезно

усложняет анализ, изменчивыми оказываются его познанные ранее константы и закономерности.

Сегодня многие вроде бы проверенные временем алгоритмы не работают или работают не должным образом. Прогностика вступает в период доминирования высококреативных моделей, имеющих короткий срок эффективного действия, то есть спроектированных *ad hoc* – применительно к той или иной ситуации.

Лучше других новое положение вещей понимают, по-видимому, США, что подтверждается некоторыми их действиями, которые, если обобщить происходящее, являются как раз преадаптацией – активной политикой, нацеленной на опережение событий, частично отраженной в концепции нанесения превентивных ударов по странам, угрожающим Америке.

Фактическое применение алгоритма преадаптации началось еще до событий 11 сентября 2001 года. Мозаика неурегулированных до конца конфликтов с внешним участием (а тут можно вспомнить не только Ирак, Афганистан, но и Косово, и другие, менее заметные ситуации) выстраивается сегодня в единый типологический ряд.

Прочерчивается несколько сценариев дальнейшего развития событий.

Мировое сообщество оказывается поставленным перед альтернативой создания комплексной системы глобальной безопасности, «ориентированной на новый орган всемирно-политической власти» (Збигнев Бжезинский), или переходом к явно неклассическим сценариям нестационарной модели международных отношений в диапазоне от моделей *управляемого хаоса* до еще более интригующей и еще менее исследованной области *управляющего хаоса*.

* * *

Включение в большую игру новых игроков влечет перемены в правовом цензе – легализацию вновь заявленной субъектности.

Возникает также вопрос о формате отношений в меняющейся среде.

Возобладает ли на планете взыскуемый поколениями идеал *человеческой солидарности*?

Или норма коммунального сосуществования выразится в здоровом смысле *вежливой автономности*?

Не исключен, однако, подтвержденный многовековым анамнезом человеческой страсти (истории) вариант *враждебной конкуренции* как в рамках межвидовой борьбы, так и в процессе социального каннибализма.

* * *

Взглянем пристальнее на акции, осуществляемые Соединенными Штатами в Афганистане, Ираке, других точках планеты. Акции, которые в определенном смысле вообще не имеют временной границы.

Они, скорее, вписываются в некий стратегический рисунок, представляя звенья, опорные площадки гибкой, инициативной системы управления, обозначившей следующие цели:

- поддержание высокой боеготовности войск путем отказа от их содержания в казармах, расположенных на национальной территории или в иной мирной, союзнической среде, и передислокации их на недружественные земли, в условия перманентных боевых действий низкой интенсивности;

- апробация различных методов проведения операций (включая нетрадиционные), устойчивой координации в условиях неопределенности, а также испытание вооружений;

- непосредственный контроль над ключевыми/критическими ареалами;

- выстраивание вокруг этих зон оперативно-тактических и стратегических военно-политических коалиций.

При этом прежняя стратегия сдерживания, как было сказано, заменяется доктриной упреждающих ударов.

Представляется, что в конечном счете для США, независимо от того, насколько отчетливо они это осознают, важна все-таки не полная и окончательная победа в том или ином конфликте, а нечто иное. Перед Америкой стоит масштабная задача, которая решается на практике, – перехват и удержание глобальной инициативы, политического и идеологического лидерства, создание эффективной схемы управления в условиях нарастающей универсальной нестабильности.

Рисунок актуальной дорожной карты мировой политики можно охарактеризовать как глобальную систему динамичных связей (*intra-global relations*), чтобы отличить ее от прежней, сбалансированной и стационарной системы международных отношений (*inter-national relations*).

Особенно если учесть делегирование национальными государствами своих компетенций сразу по трем векторам – интернациональному, федеральному (региональному), субсидиарному, – а также рост числа и типологии субъектов социального действия.

* * *

Все более заметную роль в эффективной стратегии действий играют не только совершенство процедур, но также качество критических для ситуации личностей, не только технологии, но и ценности вкупе с мотивациями.

Дефицит стратегического мышления проявляется не в отсутствии масштабных целей, скорее, в недостаточном понимании основ, иерархии, взаимосвязи событий, их внутренней логики, в неумении читать тексты событий на адекватном моменту и эпохе языке. И в проистекающем из этого факта упрощении, мистификации, мифологизации реальности.

Подобное положение чревато управленческой фрустрацией, ведущей, как правило, к умножению функций, агентств, служб. И как результат – к нарастающей хаотизации административного управления.

Слишком часто приходится сталкиваться и с гипертрофией прежней логики обеспечения безопасности, когда основные надежды возлагаются на простое увеличение расходов, на совершенствование и экспансию существующих подходов и техник, то есть на их фактическую консервацию, хотя и на новом уровне.

Между тем природа практики требует обновления взглядов не только на технологии безопасности. Возрастание роли антропологического, личностного фактора, суверенизация индивида, формирование гибких сетевых сообществ, порою объединенных лишь невидимым аттрактором, в значительной мере обесмысливает прежние подходы, основанные на системном анализе и учете влияния преимущественно институциональных факторов глобальной игры.

Возникает порочный круг. Предлагаемые сценарии действий ведут цивилизацию в тупик. Это ответ ржавеющего охранительного механизма на растущий организм, стремление переломить, а не оздоровить логику развития.

Матрица тотального контроля, шаг за шагом вводя цивилизацию в мобилизационный режим в качестве новой нормы повседневности, приводит к определенным результатам, но подобная стратегия таит серьезную угрозу для общества.

В конечном счете выходит, что главный источник опасности – это сама свобода.

ГЕНЕЗИС

Новый мир должен возникнуть как предприятие на полном ходу.

Герберт Уэллс

Мир, который наследуют люди от общих предков и который становится на время их частным достоянием, – это не только кладовая потомственных коллекций и сюжетов из гимназического гербария, но альтернативы и горизонты открытого прямому действию будущего.

Причин для разглядывания теней на театральных подмостках – при звуках квинты в оркестре и предвкушении спектакля – сегодня в России вполне хватает. Пересекая Рубикон, естественно желание приподняться с насиженного места, отодвинуть занавеску и заглянуть за края рампы.

Понятен также интерес к опознанию загадочного координатора будущего. Равно как оценка и повторяющаяся переоценка национальных ресурсов применительно к соучастию в активном представлении этого будущего.

Однако главное здесь, в полном соответствии с законом Мэри Поппинс (которая, как мы помним, приглядывала не столько за событиями и детьми, сколько за положением флюгера), – пристальное внимание к направлению воздушных потоков.

* * *

Будущее, прочитанное как целенаправленный бег времени, – в отличие от аморфного срока – *пре-ступление* сложившегося положения вещей, переход в иное качество, разрушение стереотипа. Это прыжок через пропасть либо прогон стада сквозь груды мусора.

Отсутствие перемен – сломанные стрелки, бремя дурной бесконечности, повторяющееся освоение целинных залежей камеры либо периметра клетки.

Инерция в принципе избегает экзистенциальных встрясок, всевозможными способами воздвигая препоны и умножая стражи – в том числе тотальные охранительные механизмы речи и памяти, очерчивающие границы даже в пору эластичных времен.

Изгоняя новаторов, рутина, случается, по-своему их провоцирует и даже социализирует: предписывая роли трикстера, превращая в шутов, но продолжая при этом старательно загораживать спиной проемы.

Чтобы увидеть в проеденных молью, порушенных фальшью «звисящих высотах» перспективу – даже не просто ее увидеть, но верно опознать горизонт среди морока миражей (а затем еще спланировать и осуществить преадаптацию к зыбкому пульсу прибоя), – для успешности открытого многим ветрам предприятия, следует внимательно всмотреться также в историческую ретроспективу.

Мотивации здесь те же – интерес не столько к прочтению, сколько к дешифровке текстов прошлого ради преследования *настоящего* – бывшего, но не всегда сбывшегося.

Это своего рода опыт со вскрытием при помощи консервного ножа или конной тяги вакуума, гимнастический школьный урок с целью телесного – со шрамами – постижения теории.

И в случае успеха – применения на практике искусства различения подлинных существ и рожденных временем или обстоятельствами оборотней-симулякров.

* * *

Глобальная революция – на сегодняшний день достаточно затертый термин: ярлык, инициированный в свое время Первым докладом Римского клуба и успевший за прошедшие с 1991 года 17 лет обветшать, если не «пожелтеть». Но, по моему разумению, в своей взрывной сущности *глобальной социальной революции* так до конца и не раскрытый.

Момент истины XX века, по-видимому, 1968–1973 годы (или как вариант – десятилетие 1965–1975 годов) – эпицентр социокультурной революции, обозначившей рубеж угасания, перерождения протес-

тантского мира и одновременно выхода на поверхность, социальной реабилитации подспудных альтернативных течений.

Нижняя граница периода была охарактеризована как «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (Збигнев Бжезинский), «великий перелом» (Рикардо Диес-Хохлайтнер), «мировая революция» (Иммануэль Валлерстайн). В условиях позолоченного века – материального изобилия цивилизации, раскрепощения человека от многих природных и социальных тягот – в мировом сообществе, как на Востоке, так и на Западе, происходят системные изменения.

Бжезинский одним из первых формулирует тезис о стратегической цели, к которой должен стремиться Запад: создание системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов. Социальные и политические ориентиры, очерченные им в работе «Между двумя эпохами»:

- замена демократии господством элиты;
- формирование наднациональной власти, но не на путях объединения наций в единое сверхгосударство, а как итог сплочения ведущих индустриально развитых стран;
- создание элитарного клуба ведущих государств мира.

И уже в процессе реализации данных мер предполагается создание основы для «чего-то, граничащего с глобальной налоговой системой».

Социальная динамика, а также опыт работы над масштабными проектами, в частности военными и космическими, предопределили попытку сформулировать «принципы мирового планирования с позиций общей теории систем» (Эрих Янч) и организовать мониторинг будущего, поиск «путей понимания нового мира с множеством до сих пор скрытых граней», а также познавать, «как управлять новым миром» (Аурелио Печчеи).

Однако архитектоника складывавшегося на планете миропорядка и по сей день во многом остается за горизонтом публичного политологического и философского осмысления, развернутого аналитического прогноза.

То же можно сказать об опознании главного механизма сотворения будущего – о темпераментной, тугой пружине перемен, о лидирующем субъекте исторического действия.

НОВЫЙ АМБИЦИОЗНЫЙ КЛАСС

Можно ли выйти из ада? Иногда да, но никогда в одиночку, никогда без того, чтобы принять жесткую зависимость от другого человека. Необходимо присоединиться к той или иной общественной организации или создать таковую с ее собственными законами – контробщество.

Фернан Бродель

В сложно организованной ойкумене возрастает роль нового класса социальных систем – созвездий влиятельных персонажей, сумм волей и сознаний, обладающих доступом к самому совершенному в истории инструментарию, позволяющему реализовать иной уровень операций, включая масштабные, эффективные действия в ситуациях исторической неопределенности.

Постиндустриальная элита создает и обустроивает инфраструктуру. Эта собственная инфраструктура, во-первых, транснациональна, а во-вторых, зиждется на новом типе институций – гибких организованных, то есть социальных образованиях, которые я определяю как амбициозные корпорации, преследующие не только экономические, но и социополитические и культурные цели.

Человек может обитать в национальном государстве, взаимодействуя исключительно с привычными институтами власти и публичной политики, но подобное бытие начинает все более напоминать заключительные кадры кинофильма «Солярис» Андрея Тарковского: искусственный остров, погруженный в бескрайний океан – транснациональную плаценту, где действуют другие законы и обитают иные существа – люди воздуха, энергичное племя эпохи Водолея.

А окружающий быт, до боли знакомые образы – просто уютный, искусственный дом-практикабль, обитатели которого лишены верхнего зрения и не видят реальность, в которой прописаны и находятся.

* * *

В наши дни интеллектуальный мастер, человек-предприятие (manterpriser), «господин воздуха» становится все более влиятельным субъектом действия на планете.

Когда процесс еще только разворачивался – а он отчетливо обозначил себя в начале 70-х годов, преимущественно в Соединенных

Штатах, – то поражал пестрый, эклектичный характер идущей к власти плеяды.

С одной стороны, в рядах «опасного класса» были представители элиты в более-менее традиционном понимании. Среди них – люди, управляющие финансами и юриспруденцией, средствами информации и коммуникации, разнообразными интеллектуальными практиками, люди, держащие руку на пульсе систем социального контроля, воспитания, образования. В общем, лица, определявшие господствующую стилистику бытия и активно участвовавшие в передаче властных импульсов в системе «элитный клуб – think tank – административный аппарат».

С другой стороны, претендовавшая на власть поросль имела совершенно не характерный для прежней элиты привкус контркультурных движений (вспомним, например, парадоксальную на первый взгляд генетическую связь яппи с хиппи). И выраженное пристрастие к свободной – лишенной прежних ограничений – интеллектуальной медиации.

А также – к интенсивной, провокативной акции, дерзновенному проектированию, масштабному риску.

* * *

Мир столкнулся с яркими проявлениями новой психологии, с интенсивным процессом социального творчества, со сменой ценностных мотиваций и культурных горизонтов.

Некогда то, что объединяло людей в устойчивые социальные структуры, называлось кастовостью. Затем – сословностью, потом – классовым чувством. Как будет опознаваться новая форма разделения людей в ситуации с постиндустриальным классом – проживем, увидим. Может быть – *симпатией*. Это глубинное понятие, употреблявшееся в свое время алхимиками (одними из первых представителей четвертого сословия), обозначает не только некое эмоциональное состояние, но также персональные совпадения метафизических устремлений, эффективную совместимость как внутренних ценностей, так и внешних целей у определенного круга деятельных персонажей.

Сегодня некоторые эффективно действующие предприятия организуются по принципу такой мотивированной симпатии основных

компаньонов и распадаются с разрушением подобной гармонии. Это своего рода пластичный «холдинг людей», сумма их формальных и неформальных контрактов.

Гибкость и неподконтрольность, принципиальная непубличность действий неформальной элиты, набирающей вес, но не нуждающейся в институализации социальных претензий (по крайней мере в прежних формах), проявляются во внешней иррациональности, анонимности, даже эзотеричности семантики ее актуальных коммуникаций.

* * *

В пространстве исторического действия сформировался, таким образом, фактор, активно влияющий на социальную реальность.

Движущей силой постсовременного процесса выступает динамичный социоантропологический организм, отсеченный от прежних культурных корней, но получивший прямой доступ к мощным инструментам высокотехнологичной цивилизации – финансовым, организационным, информационным, техническим.

Занимая заметно иную общественную позицию, новый амбициозный класс не является, однако, сборищем маргиналов-одинок, найдя в отрицании прежней формулы бытия – старого мира в различных ипостасях – критическое число влиятельных союзников и соратников.

Новый персонаж истории пристально вглядывается в смутно различимые (если вообще видимые) для конвенционального взгляда политические и общественные ландшафты, продумывая собственный чертеж колонизации будущего.

Иначе говоря, исторический антагонист нынешней формулы власти – это пассионарная, суверенная, слабо связанная в организационном отношении констелляция, нередко асоциальная по отношению к существующим формам общественных связей или по крайней мере резко критичная по отношению к ним либо иным образом отделяющая себя от прежней среды – и объединенная дерзновенным замыслом перекройки топографии будущего.

* * *

Эластичные организмы, вдохновляясь открывающимися перспективами, ощущают себя – независимо от форм включенности в

прежнюю систему – элитой нового мира. Они способны безжалостно распоряжаться своей и чужой свободой, действуя как с нижнего, так и с верхнего этажей иерархии. При этом подобные индивиды и группы различных толков ведут диалог, как правило, через головы других людей, воспринимаемых ими как безликий хор статистов.

Сегодня амбициозные субъекты, действующие поверх общественных барьеров, подвергаются обвинениям в произвольном толковании закона, прямом пренебрежении им, в гегемонизме и терроризме. Однако они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики и представительной демократии, утрачивающие прежнее значение в мерцающей и подвижной среде нового мира.

Свобода сильнейших, разрастаясь и клубясь, концентрируется в ликторских пучках воли и комбинациях сердечного согласия, умело (когерентно) взаимодействующих на путях к сфокусированной цели.

В симбиотическом смешении амбициозного экстремизма и гротескного реализма ощутимы различные ингредиенты: композиты традиционных религий, вкусовые добавки экзотичных практик, эманации седых архетипов, неременная пара-тройка молекул от расчлененных философов, инфильтрат опыта прямого действия.

Кажется, на той кухне, где сегодня варится политика и предуготовляется будущее, пекут все что угодно, кроме праздничных пирогов.

РОССИЯ НА КРАЮ ИСТОРИИ

Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего течения.

Николай Гоголь

Россия-РФ – не вполне обычное государство. Имея за плечами долгую историю, обладая многовековой культурой, она в то же время представляет новое государство с изменившимися ценностными ориентирами, геостратегическим мироположением, геополитическим контуром и геоэкономической картографией.

В критический момент национальной истории, в начале перестройки – перелома российской истории, – под эгидой официального оптимизма и лозунга «иного не дано» вне фарватера публичной дискуссии, да и профессионального анализа оказалась фактическая палитра исторических альтернатив, в особенности негативные версии, капканы и препоны, хитросплетения и лабиринты.

Изменения, происходившие в те годы как в российском, так и в мировом сообществах, чаще описывались с конъюнктурной, сенсационной точки зрения, в неперенном сравнении с прежним порядком вещей (то есть доминировала апелляция к прошлому, а не к будущему). Внимание фиксировалось на ярких, но не самых существенных образах и деталях, на бросавшихся в глаза симптомах новизны, но в меньшей степени – на постижении ее генезиса, сути и перспектив.

Страна, однако же, быстро соприкоснулась с драматичными сложностями, причем весьма болезненным образом, пережив шок и наспех, рефлекторно вводя в водоворот дискуссий прежде глухо звучащие обертоны.

Прошло еще несколько лет, и социально-политические сценарии уже активно обсуждались в широком диапазоне – от «свершившегося вхождения в мировую цивилизацию» до «образования корпорации ликвидаторов великой России».

Ретроспективно полемика подтвердила – правда, чаще в публицистическом, нежели аналитическом ключе и, главное, задним числом – то реальное многообразие путей в будущее, которое открывалось перед страной на рубеже 80–90-х годов.

* * *

Таким образом, в годы перестройки негативные альтернативы оставались в значительной мере нерасшифрованными, скрытыми под флером общих фраз и пафосных рассуждений о «научно-технической революции», «набирающем темп прогрессе», «наступлении эпохи постиндустриализма и информационного общества».

Непонятая механика глобального переворота, однако же, властно проявила себя в крахе советской империи, в сломе прежнего миропорядка и последовавшем глобальном переделе, в разительной мутации ряда привычных институтов.

А новое целеполагание элиты постсоветского помета, пройдя галерею подвижных идеологических метаморфоз, парадоксальным на первый взгляд образом сбросило в конце концов не только личину «социализма с человеческим лицом», но и само «человеческое лицо», обнаружив социальное естество в торжестве животного идеала.

Однако, как писал в свое время Карл Мангейм: «Человек (а мы можем добавить – общество. – *А.Н.*), для которого не существует ничего, помимо его непосредственных обстоятельств, не является человеком».

На планете тем временем искусство и практика социального действия продолжали стремительно развиваться, причем независимо от полноты осмысления меняющейся реальности, мотивированные желанием жить и эффективно действовать в новом мире. Результатом явились технологии и системы управления, основанные на таких инновационных принципах, как деятельность в условиях неопределенности, потоковые модели социума, концепции контролируемого хаоса, рефлексивный и матричный методы проектирования.

В конечном счете искусство оперативных комбинаций и корпоративное ноу-хау заметно превзошли историческое осмысление эпохальной трансформации.

К новой картографии мировых связей и системе координат можно сегодня прилагать массу языковых новообразований – это открытое поле действия: простор для лексических набегов и театр семантических войн.

* * *

Статус России, ее геополитическая, геоэкономическая геометрия носят транзитный характер.

Россия-СССР к концу своего существования принадлежала (с рядом оговорок) к технологическому сообществу, по-своему приближаясь к постиндустриальному порогу как критическому для ее дальнейшего существования рубежу.

Ее статусная капитализация выражалась в присутствии в Совете Безопасности ООН и в продвижении к членству в мегаклубе «большой семерки».

Россия-РФ в контексте постсоветского пространства нередко рассматривается то как рудимент квазиимперского организма, то как зародыш новой интегрии, не слишком укладываясь в социоконструкты «национального государства».

К началу XXI века страна заняла, однако, прочное место среди государств – производителей природного сырья и полуфабрикатов, так что сегодня основу ее богатства составляют преимущественно не развитие человеческого капитала и его производных, а природная рента и ее модификации.

Параллельно все чаще стали проявляться черты специфического социального разложения и неоархаизации, отделявшие и отдалявшие государство Российское от постиндустриального/высокотехнологического сообщества.

* * *

Упрощению экономического и инволюции социального статусов России можно найти много объяснений.

На протяжении XX века в стране происходили последовательное выпалывание современной социальной культуры, разрушение сложных схем жизни общества, стерилизация начатков самоорганизации и пассионарных личностей. В итоге образовался мир, лишенный искр гениальности и плохо совместимый с глобальной революционной ситуацией.

Когда же исчезла разделявшая Восток и Запад стена, в России наиболее динамичной частью общества оказались люди, привыкшие действовать «поверх барьеров»: различные сегменты прежнего правящего слоя, специфические организации, цеховики, разного рода консольеры, полу- и прямокриминальная субкультура.

В конце концов мы получили собственный элитный коктейль – поколение «П» – из представителей спецслужб, их многочисленной, разветвленной агентуры и в той или иной степени криминализованной субкультуры. При всем различии этих людей у них есть одно общее свойство – это «люди тени», воспитанные в духе морального релятивизма, короткого (оперативно-тактического) горизонта планирования и психологии подполья.

Баланс достижений и утрат позволяет сегодня рассматривать Россию-РФ (по сумме факторов) в качестве региональной державы – при-

мерно в одном ряду с такими государствами, как Бразилия или Индия. Однако геоэкономическая специфика страны содержит в себе предпосылки дальнейшей инволюции, соответствуя не столько «тиграм» и «драконам» Нового Востока, сколько сырьевым государствам Юга.

Возникает также вопрос: не явились ли события 1991 года начальным пунктом исторической траектории, стартовой позицией долгосрочного цикла социально-политической автономизации страны?

Действительно, насколько Россия-РФ сегодня реально является целостным организмом, спаянным «властной вертикалью»? В какой степени и надолго ли интегрированы в российский космос Северный Кавказ? Дальний Восток? Калининград? Татарстан? И что произойдет с общероссийской национальной корпорацией после вступления страны в ВТО?

* * *

Политическое искусство, вызревая в лоне культуры, зиждется на политической философии, то есть на определенном мировоззрении и прочтении метафизики.

Элита вообще, и политическая в частности, балансируя на грани возможного и невозможного, перманентно трансцендирует сложившиеся обстоятельства. Она не может позволить себе быть криминальной, хотя и попадает время от времени в ситуации дьявольской альтернативы. Вынужденно избирая меньшее зло, воспринимает данный выбор как выплату трагической неустойки и временное поражение, ибо мыслит одновременно практически и идеалистически, совмещая в сознании текущую ситуацию с картографией будущего.

Ее главная задача: стратегическое управление обществом – успешное освоение неизвестного, то есть искусство рождать и умело отбирать смыслы, генерировать образы, определять маршруты для себя и тех, кого ведет. И при этом квалифицированно действовать в предложенных историей обстоятельствах.

Криминальное сознание социопата утрачивает эти специфические преимущества, теряет контроль над смыслами, случается, обесмысливая заодно существование политического организма, разрушая логику его существования, историческое целеполагание.

Коррупция личности – не взяточничество, точнее, не только и не просто взяточничество, коррупция – это инволюция, недопустимое

расширение пространства рыночных операций, то есть разрушение сложной организации социального текста и потенциала политической персоны, сопровождаемые уплощением и приватизацией общественного блага.

И одновременно – разрастание специфичной, примитивной, в сущности, рефлекторной системы управления, присущей упрощенному, ситуационному сознанию.

Деградирующая личность не в состоянии улавливать ритмы истории, создавать целостное и долгосрочное целеполагание; эксплуатируя демагогию и патетику, она блюдет шкурные или клановые интересы, искренне понимая под политикой интригу, в результате проигрывая игрокам с «длинной волей», иным жизненным горизонтом, стратегией.

Дефицит высоких смыслов и масштабных личностей – критическое обстоятельство в моменты исторических метаморфоз.

* * *

И еще одно обстоятельство заслуживает упоминания.

Сегодня в социальном космосе суверенные планеты национальных государств, случается, раскалываются амбициозными игроками на своего рода «астероидные группы», образующие с аналогичными образованиями других стран трансграничные рои и стаи.

Эти корпорации-государства – протосуверены и зародыши грядущего политического строя – многолики и протееобразны. Их основой могут быть регионы, мегаполисы, госкорпорации и холдинги, другие деятельные организации (регионы, столицы, «газпромы», «силовики», «питерские» и т.п.), соединенные в сложную, динамичную систему взаимоотношений как внутри страны, так и за ее пределами, способные порою играть вместе, но всегда за себя.

При этом в формирующемся мире возникает конкуренция за источники социальной гравитации сложных систем.

Мне кажется, социокультурная гравитация – один из наиболее ценных и востребованных временем стратегических ресурсов общества. И я думаю, основная проблема современной России кроется именно в дефиците такой энергии – энергии культуры, что грозит стране распадом и растворением в потоке перемен, охвативших, в сущности, весь человеческий космос.

ДИФФУЗНЫЙ МИР

Стрекозой навсегда ль обернется личинка?

Эпос о Гильгамеше

У исторической трансмутации – головокружительные глубины. В мире, где мы пребываем, существуют два космоса: один – физический (речь идет не о нем), другой – ближний нам космос – социальный, который создается людьми, определяющими его принципы и законы сообразно с господствующим мировоззрением, взглядами на смысл бытия и жизнь человека.

И время от времени меняющими их, подчас весьма радикально.

Можно распознать три концептуальных русла рассуждений о происходящем на планете.

Одно из них обозначил вскоре после 11 сентября 2001 года Фрэнсис Фукуяма, заявив: локомотив Модернити несется столь быстро, что сметает все на пути, отчего и возникает глобальный кризис.

Иначе говоря, модернизация мира резко ускорилась. У многих подобная позиция вызывает аллергию хотя бы потому, что вряд ли можно назвать модернизацией пробуждение андеграунда и пляски смерти в Ираке или Афганистане.

Другую, гораздо более популярную точку зрения, объясняющую рост нестабильности и умножение кризисных ситуаций, вроде бы можно подвести под тезис Сэмюэля Хантингтона о столкновении цивилизаций (что зачастую и делается), поскольку речь идет о конфликте ценностей, о взаимной планетарной идиосинкразии культурно-исторических геномов.

В социальном бульоне рождаются коды-двойники универсализма – темпераментные клоны всемирной истории. Такие, как, к примеру, умолкнувший в прошлом – на некоторое время – проект политической реинкарнации глобальной уммы. Или взбухающий на генетически модифицированных дрожжах – все явственнее резонируя в тектонике событий – «большой срединный план».

К тому же токи деколонизации пронизывают сегодня не только «внешнее», в прошлом колониальное, пространство Модернити, но и ее «внутренние» территории.

А процесс модернизации – в первоначальном и основном своем значении – все чаще заходит в тупик.

Но при этом что-то смущает...

* * *

Под привычными ярлыками и оболочками чудятся иные прописи и существа, лишь временно присвоившие знакомые имена и одежды.

На поверхности же господствует одна, хотя и заливаемая водами мультикультурного потопа, цивилизация – протагонист эпохи Модернити, – заключившая в крепкие, цепкие объятия другие культуры. Элиты мира по-прежнему ведут споры на общем для партнеров и все еще внятном для соперников языке.

Ощутимы, однако, ветры перемен.

На планете набирает силы творческая деструкция, чей блистающий в тумане обыденности тезис часто определяется как *социальный Постмодерн*.

Его признаки проявляются в виде цивилизационной полифонии, высокотехнологичного произвола, самотождественного экстаза, перманентного культурного переворота и более-менее завуалированной демодернизации.

А в экстремальном залоге – как развоплощение привычной картины мира, футуршовинизм и прораствание кадмовых зерен не-оархаики.

Возникает призрак диффузной среды, в которой конфессии замещаются сектами, толками, тайными орденами; политика пронизывается операциями спецслужб, политтехнологов, командос; экономика конкурирует с финансовым производством, оперирующим актуальной бесконечностью и ее размножающимися производными; а культура вытесняется индустрией электронных и химических грез, душевного комфорта, иллюзий.

* * *

Средства между тем имеют свойство служить не цели, а результату.

Ценности Постмодерна несводимы к какой-то одной, наличествующей на рынке идеологии, к какому-то одному влиятельному мировоззрению или культурному кругу.

В событиях последнего времени мазок за мазком проступает образ заметно иной, *инаковой*, быть может, по-своему целостной, но не вполне внятной, атональной и мозаичной композиции.

То есть не исключено, что мы присутствуем при зарождении исторической альтернативы привычному для человечества пути – топоса холмистого ландшафта с собственными законами и логикой общественных институтов.

Однако в таком случае – и в этом суть третьей точки зрения – происходящее на краю современности есть не что иное, как вертикальное, *диахронное* столкновение цивилизаций.

Другими словами, не столкновение с теми культурами, которые хорошо известны и засвидетельствованы летописцами, но с призраком-незнакомцем, бродящим на сей раз по всей планете.

Иначе говоря, истинный оппонент Модерна – неопознанная культура, идущая к нам из будущего; а точнее, из подсознания человека, его фантазий, комиксов, снов. И мутных глубин истории.

ПОСТЦИВИЛИЗАЦИЯ

Динамизм *новых миров* всегда свидетельствует об их превосходстве над страной, откуда они вышли: они осуществляют идеал, который остальные втайне лелеют как конечную и недостижимую цель... Внезапное появление подобного общества на карте сразу упраздняет значение обществ исторических.

Жан Бодрийяр

Грядет ли очередная вариация христианского культурного круга, или в человеческом сообществе предвидится нечто радикально иное?

Мы находимся на пороге серьезной реформации в сфере христианской культуры, в ходе которой возможно ее радикальное обновление. Кризис может оказаться стимулом движения, которое будет оцениваться по-разному, но предъявит энергичную претензию на преобразование данной культуры.

Симптомы социокультурного транзита прослеживаются в процессах универсальной секуляризации, персонализации, в распространении принципа прав человека (акцентирующего права меньшинств), а в сфере церковной практики – в возрождении идеалов раннехристианской полиавтокефальности.

Это одно прочтение сюжета.

Иные перспективы видятся в экспансии неоязычества (в том числе в квазисекулярных формах), реориентализации мира либо его неоархаизации. Что свидетельствовало бы о радикальном переписывании истории, свертывании христианского проекта, формировании метафизически и идеологически мотивированного постхристианского универсума.

Однако и в данном случае вероятным остается распространение новых форм христианской культуры и церковной практики.

* * *

Мы наблюдаем на планете утверждение культуры, соответствующей духу времени. Духу, сочетающему тенденции индивидуации и массовизации: жизнеустройство странников и пришельцев, для которых «всякая чужбина – отечество и всякое отечество – чужбина».

Но возможно, речь идет о пришествии амбициозного и мультикультурного сообщества – о *мире игры*, который безмерно повышает ставки, по-своему расценив риск смерти, бытия, безумия.

Гипотезы могут показаться экстравагантными: не исключено, что в человеческом общежитии зарождается новая религия. Или пробуждается и восстает древняя, полифоничная культура: быть может, ветхий спутник христианства – многоликая гностическая традиция.

* * *

Источник нарастающей в мире турбулентности не только в том, что цивилизация Модернити, форсированно, но механистично осваивая мир, оставила за бортом евангелизацию и культуртрегерство, ввела себя с какого-то момента в полосу перманентных коллизий.

И не только в том, что на планете возникает концерт политически аморфных, диссонирующих цивилизаций, чреватый их контролируемой или неконтролируемой экспансией, – политическая субъектность цивилизаций вообще представляется сомнительной.

Наверное, можно говорить о том, что в мире сложилась ситуация вселенской культурной растерянности и сквозь эту рваную, эклектичную субстанцию просматривается контур некой *постцивилизации*.

Конечно, понятие «постцивилизация» двусмысленно, тем более что цивилизацию я все-таки понимаю не как культурный круг.

Для меня цивилизация существует, скорее, в координатах маркиза Мирабо – как градус политеса, цивилизованности человека и общества, нежели как выраженное своеобразие и феноменологическая оригинальность.

Миростроительная специфика – это свойство культуры, качество социокультурной организованности. Цивилизация же составная часть вполне банальной триады: архаизация – варварство – цивилизация. То есть цивилизацию я прочитываю как последовательную трансценденцию форм и обстоятельств человеческого существования, как повышающийся градус свободы (то есть диахронно, а не пространственно).

Но именно поэтому понятие «цивилизация после цивилизации» не вполне удобно, оно горчит...

* * *

Возможно, было бы точнее сказать, что мы вступаем в непознанную, *четвертую* фазу социальной организации после архаики, варварства, цивилизации.

Удивительным образом данное понятие соотносится с четвертым состоянием вещества (твердое, жидкое, газообразное, плазменное), напоминая отдельными чертами характеристики именно турбулентное (плазменное) состояние.

В физике формирующегося миропорядка намечается диссипативное, неравновесное, но в то же время устойчивое соединение цивилизации и дикости, футуризма и архаики в некотором синкретичном культурном тексте.

И возможно, основной конфликт на планете разворачивается как раз между призраком этой грядущей постцивилизации и современным миром Большого Модерна.

Действительно, новая социально-культурная феноменология не сводима к какой-либо одной, известной и исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе.

В драматичных событиях последнего времени проступает контур какой-то иной, целостной, хотя не слишком внятной культурной и социальной семантики. То есть не исключено, что, находясь на кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении цивилизационной альтернативы – со своими ценностями, законами и логикой социальных институтов.

КАК КОРРЕКТИРУЮТ МИР

Не делай зла –
не будешь в вечном страхе.

Пословица на клинописной табличке

Правила политеса диктуются и отменяются жизнью. Если всмотреться, транзиты вершатся дерзновенным образом и определяются персональной преадаптацией к миру за горизонтом.

Дилеммы динамичной практики обнаруживаются в паузах, их разрешение – на развилках троп, в облаках дорожной пыли: на протоптанных, но неисхоженных путях в трансграничье.

Как поведет себя Джек, получивший горсть бобов, уже испытав их силу и сиганув на воздушную делянку с проросшего, пронзившего небесную твердь стебля?

Пространства новизны опознаются и обретаются с трудом: зернышек на всех не хватает, передвижение вне панциря черепахи озадачивает – открытая просторность не имеет внятных карт и границ.

У мерцающего ландшафта причудливая топография, сплетенная из долин и кряжей, головокружительных вершин и уводящих в дурную бесконечность лабиринтов.

К тому же на извилистых тропах обнаруживается немало лукавых препон, произведенных изощренным гением лиги теней – опытным ловцом человеков.

* * *

Допустимо, даже естественно и такое истолкование: вышеперечисленные тенденции реализуются одновременно в виде социального

коктейля, поклонники которого ставят прежние прочтение мира и жизни ни во что.

В чем, однако, уголек? Гностическая культура в принципе отрицательно относится к жизни как таковой, рассматривая уничтожение бремени земного бытия как акт освобождения.

Ее метафизика сводится к массовой гибели и тотальной деструкции, поскольку люди содержат божественные искры, которые могут быть освобождены лишь посредством уничтожения тел.

Покойный папа Иоанн Павел II в окружном послании «Евангелие жизни» в 1995 году писал об экспансии «культуры смерти» – порождении общества, где «важнейшим критерием является успех». Культуры, декларирующей «свободу “сильнейших”, направленную против слабейших, обреченных на гибель».

Речь шла о складывающейся на планете новой социокультурной обстановке, о радикально меняющемся отношении к преступлениям против жизни, о настораживающей мутации общественных норм.

* * *

«Заговор против жизни» не ограничивается серой, черной или криминальной сферой – убийствами, откровенным геноцидом, прямым причинением физических и нравственных страданий, торговлей людьми. Он включает также «мягкие формы»: легитимацию этнаназии, аборты с повышением возраста плода (хотя есть данные, что фетусы – мыслящие и эмоциональные существа), социальный геноцид – к примеру, стерилизацию по социальным мотивам.

Другими словами, то, что разрушает ценность, целостность человеческой личности и оскорбляет, умаляет универсальное человеческое достоинство.

В новом контексте также иначе звучат не слишком внятные рассуждения о биотехнологиях, создаваемых как в рамках армий/спецслужб, так и в организациях, находящихся за пределами государственного контроля.

И о двусмысленных технологиях, разрабатываемых в недрах частных организаций, об экспериментах, могущих иметь следствием сокращение жизни на планете (в частности, в Восточно-Азиатском регионе).

Наконец, актуальным компонентом «структуры греха» становится новый терроризм – что бы под этим ярлыком на сегодняшний день

ни подразумевалось, – теоретически способный в будущем продемонстрировать деструктивную эффективность на совершенно ином уровне.

* * *

У системного терроризма несколько специфических аспектов.

Новый терроризм учитывает взаимосвязанность мира, заявляя соответствующую стратегию угроз. Его акции строятся по принципу домино, а организаторы по стилю мышления напоминают опытных шахматистов, способных просчитывать косвенные последствия действий, разыгрывать обманные комбинации, идти на конъюнктурные жертвы.

Привлекает внимание роль символических объектов, жестов и процедур в подобной стратегии действий.

В сложном, глобализированном сообществе возникает эффект бабочки – нелинейные трансляции изменений, когда незначительное событие в одном месте способно привести к лавинообразным следствиям в другом. К примеру, в общественном сознании или в сфере финансово-экономических операций, хотя и хорошо управляемой, но все же уязвимой для системных воздействий.

* * *

Из перманентной отверженности, отчаяния слишком многих возникают отмеченные трупными пятнами заповедники.

Почва территорий смерти складывается из миллионов горстей праха и суммы преждевременных агоний. Но отверженные – это не только образ, запечатленный на глянцевом плакате благотворительной организации. В подземельях глобального Undernet'a рождаются яростные существа, кующие собственный тип оружия и отыскивающие асимметричные угрозы архитектонике унизившей их цивилизации.

Но суммарное зло нищеты, цинизма, междоусобиц, войн – равно как губительная ярость фавел и гарлемов – не единственные источники темной страсти. У культуры смерти есть интимные, глубинные аспекты, которые не просто меняют траекторию жизни, но выворачивают наизнанку человеческую шкалу ценностей.

Современная культура смерти – это выходящая из глубин подсознания в пространства общественной жизни тяга к массовой де-

струкции и автодеструкции. Влечение, носящее, казалось бы, иррациональный характер, однако, умело используемое и, в свою очередь, использующее разнообразные достижения цивилизации.

Данный феномен проявляется в широчайшем диапазоне: от квазитрайбалистских и конспирологических неурядиц на покрытых мхами исторических плитах Европы до имеющих высокотехнологичную основу событий 11 сентября 2001 года и нарастающей эпидемии террористов-самоубийц.

ДИСТОПИЯ

Мы усталое солнце потушим,
Свет иной во вселенной зажжем. <...>
Молот разгневанный небо пробьет,
В неведомый край нам открыты ворота...

Андрей Платонов

Во что превратится мир, когда «империи рухнут и армии разбегутся»? Станет ли *Ordo Novo* всеобщим благом – мирным соседством льва и лани, согласно провидению (апокалипсису) Исаяи? Или же этот порядок окажется прологом совершенно иного по духу эона? Возвращением к жизни упрятанных в тайники подсознания смутных сюжетов, объединенных гротескной топикой и восполняющих неполноту черновиков вселенского кошмара?

Эта ветхая дистопия время от времени посылает в толпы занятых повседневностью, вечно спешащих людей своих перепоясанных смертью вестников.

«Одни верят в жизнь, другие – в смерть. Я верю в смерть» – слова «живой бомбы», которой не дали совершить самоубийство и убийства, помешав произвести взрыв в центре Москвы.

* * *

Культура смерти постепенно обретает глобальную геометрию.

Это не только «война сильных против бессильных» и «слабых против сильных», но в перспективе – «всех против всех». На планете выстраивается обширное пространство операций по контролю и

распределению успешно котирующегося на мировом рынке товара: ресурса смерти.

Горизонты демодернизации, неоархаизации, деконструкции цивилизации сегодня претендуют на то, чтобы стать равноположенными с прежними векторами прогресса.

Для многих обитателей Земли жизнь и карьера – почти синонимы, целью являются комфорт и безопасность: иначе говоря, то, что укладывается в прагматичные, хотя порой незатейливые формы существования. Но отринувшей житейский флер культуре смерти чуждо подобное восприятие повседневности. Для нее вершина карьеры – это амбициозная, эффектная и эффективная гибель, потенциально с невиданными прежде последствиями.

И это не пустая геростратова амбиция, темное дерзновение скреплено совершенно иным чувством, которое не требует ярмарочного признания.

* * *

Ситуация меж тем далеко не столь однозначна, какой она может показаться на первый взгляд: «Я не могу ничем так послужить любимому делу, как смертью за него, и в смерти я свершу больше, чем за всю свою жизнь». Это слова не современного шахида, а Джона Брауна, «чье тело в земле, а дух – на небесах».

И даже еще глубже, переходя в метафизические измерения бытия: «Дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти. <...> Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне, говорит: приди ко Отцу. Я не хочу больше жить этой земной жизнью».

Здесь битва разворачивается уже в иной среде, в ней участвуют люди, равно отвергающие мир, но преследующие порою диаметрально противоположные – как противоположны любовь и ненависть, свобода и произвол – цели.

* * *

Но если общественная страсть, лежащая в основании мира, – то есть безудержная человеческая энергичность, бессознательное влечение к социальному творчеству, стремление к трансценденции несовершенств естества, к культуртрегерству и мессианизму той или иной версии «симфонии для всех жителей планеты» – покинула душу

цивилизации, если идола рынка превращают мир в корыто всеядного потребления и райский хутор тотального расчета, это не означает, что страсть вообще покинула землю.

Страсть не погибает: падение одних служит уроком другим, вызывая и гнев, и сострадание, и презрение. Пройдя сквозь горнило регресса и перерождения, страсть обретает другие формы (вспомним деструктивную энергетику «Королевской битвы II» или прогностический посыл «Бойцовского клуба»).

Новая земля творится не ангелами, и ночь творения исходит из прокопченных очагов хаоса, из головокружительных глубин отчуждения, которые лишь отчасти познаны человеком.

Теперь не только добровольная жертва служит метафизическим оправданием смерти. Восстающая порода людей охотно расстаётся с прежней идентификацией, и яростная субстанция их страсти – заря иного мира, опаляемого темноликим светилом.

Истоки данной метафизики находятся за пределами тварного космоса. Возможно, она соткалась в черных провалах *тоху* и *боху*, во вселенной обломков и смерти, поэтически – хотя и с ужасом, требующим невообразимого жертвоприношения, – прочувствованных в одной из соскальзывающих в безумие работ Владимира Лефевра.

Гибельный восторг и азарт – не жертва, но особая мания. Это огненный призрак, протуберанец мира, согласившегося воспеть гимн Чуме, восславив деструкцию как главную, конечную и желанную цель творения.

МИРАЖИ

...распространенная иллюзия, что свобода может быть предоставлена сверху, представляет действительную проблему. Необходимо понимание, что должны быть созданы условия, которые позволяли бы людям творить собственную судьбу.

Фридрих фон Хайек

Флюиды раскованного Прометея проявляются также в других, не менее радикальных, но уже не столь драматичных, как образ вздернутого на дыбу человечества, модификациях практики.

Войдя в резонанс с плеском времени, энергия перемен размывает социальные конструкции, способы умственных построений и манеры привычного действия.

Люди слишком долго жили в землянках на берегу бескрайнего синего моря – беспокойного океана, который еще предстоит пересечь.

Будущее – огонь, бьющий из темной воды, отражаясь на бортах судна, удаляющегося от суши, оплавляя его такелаж и опаляя энтузиастов и беглецов.

Блики и миражи рождают предположения. Сполохи эшеровской моды – симптомы исторической растерянности – проявляются в состязании кульбитов практики с отклонениями и кривизной умозрительных горизонтов.

Или скажем так. То, чему не дано воплотиться на этой земле, творит свою эфирную плоть и высекает собственное небо. В прошлом люди вели разговоры о невероятных возможностях грядущего мира, вчера новый век казался местом вселенского, но, как и раньше, будничного обитания, сегодня инициативные персонажи, сплетая бикфордовы нити в ткань новой плащаницы, кардинально переиначивают его.

Завтра отведенный от прежнего русла истории мир, знающий короткий путь (*квизату хедерах*), запылает огнем.

* * *

Прелесть постсовременности – культура инициативного, тотального соперничества, арена профессиональных метаморфоз и ристалище видовой сегрегации.

Это борьба, ведущаяся по изменчивым и не слишком известным правилам, вне прежней стилистики властных отношений.

Метафоричность и баланс сменяются фрустрацией разбегающихся созвездий и галактик – льющемся через край избытком, оборачиваясь в какой-то момент огульной декапитацией смыслов и эволюционной бойней.

Действия, однажды начатые в подобном сражении, не имеют временной границы: они – часть стратегического дизайна, звенья контроля над кризисными зонами и ситуациями бессчетной просторности. Это тоннели мирового андеграунда и опорные площадки

негэнтропии, проступившие в темном веществе нарастающего хаоса и обволакивающей цивилизацию неопределенности.

Важна, однако, не полная и окончательная победа в той или иной земной битве. На кону – более серьезная задача, которая и решается на практике: взлом правового и психологического рубежа, антропологический и видовой скачок, утверждение трансграничного архипелага влияния и управления.

* * *

Конструкции национальных корпораций, еще недавно возвышавшиеся на строительных площадках государств, поколеблены, их вершины покрылись трещинами, надломились.

Из щебня и обломков национальных помоек складываются – подобно изгоям глобальных Помпей либо беглецам лабиринтообразной Трои – кочующие астероидные кланы. Устремленные в неизвестность, они врезаются в тела стран и весей, поскольку так или иначе уже пережили неустойчивость родной почвы и отделение от собственных планет-государств.

Этаж за этажом над прежними объектами международных связей выстраивается вертикаль вселенского Олимпа, собирается воздушный флот Новой Лапутании, на летучих островах которой заключаются симпатические сделки, образуются химеричные альянсы, справляются алхимические свадьбы.

Мы наблюдаем мерцание блуждающих звезд, слияние констелляций синкретичного сообщества, но все это фрагменты недописанной футуристории и лишь отчасти видимой картины.

МИР ПО ТУ СТОРОНУ ГОРИЗОНТА

Господи, Тебя имея, я не спрашиваю
ни о небесах, ни о земле.

Псалмопевец

Впрочем, в лучах обыденности призрачные видения не имеют внушительной сумеречной цены. Им приходится умаляться и рассеиваться,

а сказанное выше выглядит по-своему уютной, хотя и алармистской страшилкой.

Почти карикатурой.

Будничность, порядок вещей, привычный ход событий, структуры повседневности, да просто здравый смысл – очевидные барьеры, фильтры, капканы на пути сил, рвущихся из бездны.

Мы избегаем произносить иные имена и глядеть на некоторые лица. Но все же – для тех, кто неравнодушен ко вкусу васаби, – имеется возможность лицезреть (пусть не прямо, а на зеркальной поверхности щита) чужеродный облик.

История напоминает структуру ДНК, ибо у нее две составляющие: одна предписывает устойчивость, другая – приверженность риску и поиску.

Наряду с инерцией масс существует пытливая личность. Деятельный индивид обладает в наши дни не только доступным во все времена шансом, но также уникальными, блестящими, остро отточенными инструментами, какими не владел никогда.

По мере освобождения от тягот повседневности люди рано или поздно столкнутся со своей подлинной свободой: но что за лик они узрят перед собой?

* * *

Идущее к власти четвертое сословие сродни первому – и как продолжение, ветвь, и как карикатура, извращение.

Я думаю, в этом заложено нечто большее, нежели «основное противоречие наступающей эпохи», хотя и оно тоже.

Есть в антропологической дихотомии – хорошо ощутимой, хотя различным образом толкуемой – нечто особенное: здесь кончается долина и начинается предгорье, обретается предел падения и прочерчивается тропа восхождения. И даже – возможность сверхдолжного возвеличивания человека.

Эти крайние состояния души и догадывающегося интеллекта образуют исторический и метафизический движитель.

Побуждаемые своим основным инстинктом и эсхатологическим нетерпением обе природы столкнутся в конечном счете, обрушив земные преграды перед желанной и вожделенной целью.

Исход конфликта определит судьбу человечества, но не в смысле его будущности, а как пробу на благородство металла, брошенного в чан с царской водкой.

Чтобы выявить в некотором прошедшем сквозь горнило остатке смысл исчисленного бытия, его главную, тайную страсть или любовь.